

М.А. Пилюгина

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. В статье анализируются условия и формирование методов истолкования в период античности. Проблема интерпретации с самых ранних этапов получает своё развитие в связи с познанием и пониманием. Истолкование как условие правильного понимания может быть успешным благодаря использованию определенных методов и приемов. Задача исследования состоит в поиске ответа на вопрос о том, каковы истоки интерпретации и как складывалась её методология. Проблема интерпретации рассматривается в контексте формирования гуманитарных областей знания, где понимание является необходимой составляющей, и развития философского знания. Исследование основано на методологии историко-философского анализа. Использовался герменевтический метод, как основной подход к анализу проблемы интерпретации. Разрабатываемая проблематика потребовала междисциплинарного подхода с привлечением работ по истории философии, герменевтике, теории аргументации, филологии. Показано, что появление данной проблематики было вызвано практическими запросами и её развитие связано с естественными социально-культурными условиями. Разработка проблемы интерпретации, в свою очередь, стимулировала появление специальных областей знания, которые со временем получили особый научный статус и оформились в гуманитарные направления и дисциплины. С развитием философского знания, проблема интерпретации получает своё осмысление в контексте познания и понимания. Именно с Античности начинается формулирование и развитие конкретных методов и приёмов интерпретации, которые являются эффективными по настоящее время.

Ключевые слова: познание, понимание, интерпретация, знание, метод, смысл, язык, имя, миф, аргументация.

Проблема интерпретации, рассматриваемая в контексте становления философской герменевтики, имеет свою длительную историю. Интерпретация предполагает понимание, поэтому проблема интерпретации традиционно рассматривается в связи с соотношением интерпретации и понимания.

Как философская проблема понимание (и интерпретация) становится центральной для эпистемологии, или теории познания. Современная эпистемология опирается на результаты, полученные при рассмотрении соотношения понимания и интерпретации в контексте становления и эволюции методов интерпретации. Эвристическое значение философского взгляда на эту проблему имеет определение, нахождение «точек роста» данной проблематики, которая со временем преобразуется в самостоятельное направление исследований, как, собственно, философского, так и конкретнонаучного.

Одной из дисциплин, имеющей своим предметом понимание, является герменевтика, область

применения которой изменялась от искусства истолкования устного слова (речи, текста) к теории понимания и интерпретации и в настоящее время квалифицируется как философская дисциплина. Любой текст, в особенности сложный для понимания, любое произведение искусства и даже обычная речь и поступки людей – все это требует истолкования, подвергается интерпретации. Поэтому изучение деятельности по истолкованию предполагает решение двух взаимосвязанных задач. В первую очередь, необходимо выявить объективные исторические предпосылки становления тех социально-гуманитарных дисциплин, для которых истолкование и интерпретация оказываются методами, направляющими теоретический, концептуальный, предметно обусловленный поиск. А это означает, что существует определенная взаимосвязь между задачами практического характера, касающаяся техники (методологии) интерпретации и конкретными исследовательскими задачами, которые ставят перед собой те или иные дисциплины.

К одной из исторически наиболее древних дисциплин, связанных с практикой овладения искусством истолкования, относится герменевтика. Сам термин «герменевтика» имеет несколько близких по смыслу значений, указывающих на различные аспекты их употребления. «Герменевтика», от греческого слова *hermeneutike*, предполагает конкретный процесс, который означает: *высказывать, излагать, выяснять, переводить*. В латинском употреблении слово *hermeneia* – отсылает к другому смыслу и значению герменевтики, предполагая *истолкование и объяснение*. Наконец, термин «объяснять» содержит в себе несколько близких по смыслу значений: *разъяснять, истолковывать, растолковывать, сообщать, переводить* – т.е. указывает на действие, результатом которого является понимание.

Таким образом, герменевтика охватывает, с одной стороны, искусство истолкования, и в дальнейшем возвышается до значения теории понимания и интерпретации, которая используется как внутри лингвистических (языковых), так и не языковых (невербальных) выражений. В работе будет рассматриваться именно первое определение герменевтики, связанное с наступлением понимания смысла (слова, текста, жеста и т.д.) и имеющее конкретную отсылку к «*hermeneutike technē*» (т.е., к технике толкования).

Философская герменевтика как теория и методология интерпретации корнями уходит в античную греческую философскую мысль, где истолкование предстает как один из ключевых методов понимания. Как «техника толкования» искусство истолкования восходит к проблеме понимания устного слова, имеющего ценностное значение (практического, социального и иного характера). Как отмечает Е.Н. Шульга, «искусство толкования возникло в связи с потребностью правильно понимать иносказательный смысл предсказаний и изречений гадателей, прорицателей и оракулов»¹. Итак, изначально герменевтика представляла собой практику устного толкования, вызванного необходимостью понимать смысл знамений и примет, разного рода знаков и символов. При этом широко распространенная в античности практика предсказаний оракулов и прорицателей, представляла собой выражение мысли в иносказательном, образном виде, что требовало дополнительной ин-

теллектуальной (и профессиональной) работы по разъяснению содержащихся в них смыслов. Такая деятельность носила практическую направленность, часто прагматическое значение, а смыслы этих высказываний и знания, получаемые в результате истолкования, были направлены в будущее. Это мог быть как поиск решения конкретной насущной проблемы, так и толкование смысла какого-то события исторической важности или запроса о личной судьбе отдельного человека или даже народа в целом.

Особый интерес в этой связи имеет обращение к истокам зарождения практики владения устным словом, что, в конечном итоге, показывает истоки зарождения методологической базы искусства истолкования. Кроме того, этот круг вопросов позволяет решить проблему обоснования гуманитарной сферы знания, её предметность.

Практика истолковательной деятельности имеет длительную историю формирования своей методологической базы, которая складывалась в определенных культурно-исторических и социальных условиях. Как уже отмечалось, истоки герменевтики лежат в традиции истолкования устного слова. Эта же традиция имеет отношение и к конкретной сфере деятельности, связанной с переводом содержания знания, отдельной информации с одного языка на другой. Наряду с этим, появление и распространение письменных источников, нуждающихся в переводе и истолковании стимулировало рост гуманитарного знания, в частности, выросшего в филологию (от греч. *φιλολογία* – любовь к слову), которая развивалась вместе с запросами образования.

Необходимость и широкое распространение практики истолкования были связаны с тем, что долгое время основными источниками знания оставались предания и произведения греческих авторов. Главным образом, это были труды Гомера и сочинения Гесиода, которые заучивались учениками и подвергались истолкованию. Они являлись основными источниками сведений и знаний о мире, о мифологии и истории. На их основе происходило обучение чтению, грамоте и письму, а герои, описываемых этими авторами событий, рассматривались как персонажи (или даже конкретные исторические лица), которым следовало подражать или на ошибках которых нужно было учиться. В частности это были основные источники обучения конкретному языку и культуре. При этом потребность в истолковании объяснялась

¹ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. С. 15.

объективными процессами изменения, наблюдаемого в языке и речи, на которые обращают внимание лингвисты и историки культуры. Речь идет о естественных изменениях греческого языка и культурно-исторических реалий.

Необходимо подчеркнуть, что современные лингвисты, оценивая данную ситуацию с точки зрения соотношения языка и смысла, указывают на феномен, который получил название *дрейф языка*². Он выражается в изменении, развитии внутренней структуры конкретного языка, который проявляется в изменениях алфавита, появлении новых слов и терминов, наконец, в формулировании новых правил языка и его употребления. Кроме того, наблюдается процесс эволюции языка за счет расширения его эпистемологических функций. Язык не ограничивается теперь исключительно задачами коммуникации людей, получением и передачей информации и т.д., очевидным становится и разнообразие используемых художественных приемов языка, введение новых тропов, что свидетельствует об обогащении языка за счет появления новых смыслов. Эти новые смыслы требуют собственной, дополнительной интерпретации.

Эти объективные исторически обусловленные изменения в языке требовали дополнительной работы для обеспечения наилучшего понимания устного слова, текстов и содержащихся в них смыслов. Интерпретацией текстов (памятников мысли и культуры) в целях образовательных как раз и занимались учителя и воспитатели нового поколения.

Итак, со временем менялся язык, появлялись новые смыслы и новые культурные универсалии. Эти процессы происходили одновременно с расширением географических границ и диапазона распространения греческого языка и греческой культуры в целом.

Происходит взаимовлияние культур, в том числе, за счет притока новых народов – с иным языком и иной культурой, которые должны были адаптироваться к традиционным культурно-историческим реалиям греческой ойкумены. Вместе с тем осуществлялся взаимообмен культур и традиций языкового общения, что, со своей стороны,

стимулировало распространение традиции переводческой деятельности.

Искусство овладения переводом как способом передачи смысла с одного языка на другой, способствовало возвышению статуса самой деятельности по интерпретации. Тем самым, первые переводчики (устного слова, текста) рассматриваются как искусные интерпретаторы. Эта деятельность формировалась под влиянием практических запросов и представляла собой деятельность мышления, направленную на поиск идеализированных схем практического преобразования смыслового содержания языка, что, со своей стороны, предполагало расшифровку смысла предметов языка. Представленные в нём знания образуют в своём содержании типичную модель организации языка, расширяющегося за счёт включения новых слов, понятий, терминов и других идеализированных форм. Этот процесс учитывался в практической переводческой деятельности и рассматривался как вид творчества, использующий традицию владения устным словом.

Конечно, этот процесс имеет отношение к становлению определенного типа гуманитарного знания, однако на данном историческом этапе мы можем говорить о таком виде знания только как о *преднаучном*³. Постепенно этот род занятий требовал специального обучения, развития определенных навыков переводческой деятельности и всё больше приобретал профессиональную направленность. В результате из техники искусного перевода смысла с одного языка на другой эта деятельность развилась до уровня специальной области гуманитарного знания (филология, лингвистика и т.д.).

Следует подчеркнуть, что для этой исторической эпохи наибольшее распространение получил метод парафраза как специальный прием интерпретации текстов литературных памятников. Он представляет собой сочетание элементов комментаторства и перевода⁴. В дальнейшем этот прием использовался и для истолкования текстов религиозного содержания и применялся в практике библейской герменевтики.

Истолкование в случае парафраза как приема интерпретации текстов с различным содержанием

² См.: Кошкина Е.Г. Эволюция, или «дрейф» языка, основные тенденции его развития (на примере лексико-семантической системы) // Современный немецкий язык: состояние и развитие / Отв. ред. Л. Нефедова. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 18-33.

³ См.: Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 54.

⁴ См.: Кузнецов В.Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. // Логос. 1999. № 10(20). С. 44.

выполняет соединяющую функцию, т.е. делает понятным то, что уже находится в содержании той или иной мысли или высказывания, но представлено еще не вполне ясно или туманно. Появление и распространение литературных памятников, литературы и её различных жанров, стимулировало развитие интерпретации как особой интеллектуальной деятельности. Интерпретация постепенно наращивала собственную методологическую базу, которая затем легла в основание такого гуманитарного направления, как *текстология*⁵. Этот термин получил широкое распространение в российской научной мысли. При этом сама дисциплина соединяла в себе филологические изыскания наряду с герменевтическим анализом текста, хотя само слово «герменевтический» не использовалось из-за того, что отсутствовала специальная литература по герменевтике. Если же слово «герменевтика» употреблялось в том или ином контексте, например, в трудах отечественных философов середины XX века, то саму герменевтику рассматривали критически (за исключением Г.Г. Шпета, который писал непосредственно о герменевтике⁶).

Возвращаясь к истории вопроса, касающегося зарождения методологии интерпретации и связанного с этим процессом становления дисциплин социально-гуманитарного комплекса, стоит еще раз подчеркнуть значение устной традиции интерпретации. В отличие от теоретического, филологического направления применения интерпретации, устная традиция понимания и интерпретации развивалась исходя непосредственно из практических запросов людей, а также запросов социального и политического характера. Из этой потребности выросла риторика и, затем, теория аргументации, опирающаяся на законы мышления, которые восходят к логическим трудам Аристотеля⁷.

С самого начала своего зарождения и в дальнейшем своем развитии риторика обогащала свой

методологический аппарат исходя из запросов практического характера, но при этом учитывала специфику человеческого языка и мышления. Искусство аргументации, как отмечает, например, Е.Н. Шульга, – «это не только форма мыслительной деятельности, нацеленная на обоснование утверждений, предположений, различных точек зрения и (или) гипотез. Её логико-эпистемологический и психологический аппарат достаточно универсален; а вся довольно длительная история развития философской мысли выработала такие принципы и способы аргументации, совокупность которых позволяет строить и рассуждать о теории аргументации, в особенности когда речь заходит и европейской традиции философствования в русле так называемого европейского рационализма»⁸.

Здесь необходимо отметить, что «европейский рационализм» – это понятие, которое используется для обозначения специфики развития европейской мысли, которая получила распространение на территории, относящейся к так называемому европейскому средиземноморью. Европейский рационализм отличается своеобразием методологических тенденций, принимаемых современным научным сообществом, и подразумевает: логическую упорядоченность сфер мышления, согласование понятий, упорядоченность в использовании аргументов, ориентацию на подтверждение знания и анализ, нацеленный на проникновение в сущность вещей⁹. Этим методологическим установкам отвечает и риторика, которая связана с формированием гуманитарного знания, внутри которого обнаруживается техника и методика интерпретации.

Конечно, запросы коммуникативного характера, а также задача достичь победы в конкретном диспуте и при этом быть убедительным предполагает владение конкретными навыками – умением использовать конкретные методы аргументации в защите своих интересов. Поэтому поиск и выявление истоков зарождения методологии интерпретации, наряду с формированием гуманитарных дисциплин, касается рассмотрения в качестве исходных риторики, логики, наряду с герменевтикой. Этот комплекс аспектов оказал влияние на организацию методов, которые были эффективными для конкретных практических задач. Их общий мето-

⁵ Текстология получила распространение в России во второй половине XX в., предшествуя появлению и распространению философской герменевтики, поскольку герменевтика подвергалась критике как «буржуазное» течение.

⁶ См.: Шпет Г.Г. Герменевтика и её проблемы // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1989-1991.

⁷ Подробнее об истории риторики в связи с проблемой понимания и интерпретации см.: Пилюгина М.А. Риторика и теория аргументации // Модели рассуждений-5: Аргументация, коммуникация, общество. Калининград, 2012. С. 176-187.

⁸ Шульга Е.Н. Логическая герменевтика о противоречивости философских систем // Мысли и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 191-192.

⁹ См.: Там же. С. 192.

дологический вид образует целую систему и предполагает последовательность в использовании конкретных доводов для решения той или иной задачи. Конечно, первоначально эта система методов имела отношение к устной традиции. Итак, её составляют следующие требования:

1. Быть убедительным (искусство аргументации);
2. Быть непротиворечивым (опираться на законы логики);
3. Понимать передаваемый смысл содержания устного слова.

«Быть убедительным» как раз и предполагает цель самой аргументации как искусства овладения её методами. «Быть непротиворечивым» – это одно из самых интересных с точки зрения эпистемологии и философии требование – оно предполагает соблюдение законов логики, сформулированных в наиболее ясном виде Аристотелем. Так, для философского исследования, также как для герменевтики, требование непротиворечивости интерпретируется как условие, которое предполагает последовательность раскрытия содержания и развития идеи, аргументы и доводы которой не должны противоречить друг другу. Напротив, каждая последующая мысль есть продолжение предыдущей, и вся цепочка (последовательность) мыслей отражает требование, которое формулируют греческие философы. Это требование – соответствовать законам логики.

Здесь необходимо ответить на вопрос, который имеет отношение к современному пониманию противоречия. Чем опасно противоречие в аргументации? Согласно законам логики, из противоречия следует всё, что угодно. Поэтому, если принимается какое-либо противоречивое утверждение, логическая форма которого формулируется, как «некоторое утверждение истинно и оно же ложно», то отсюда следует «всё, что угодно», любое утверждение. Как говорят логики в таком случае, теория *тривиализируется*, поскольку истинными становятся любые утверждения, правильно сформулированные орфографически и лингвистически. С тривиальными теориями работать бессмысленно, ибо они ничего вообще не утверждают («всё» здесь равно «ничто») и тогда доказывать что-либо тоже бессмысленно. Следовательно, если в аргументации принимаются противоречивые утверждения, то дальнейшая аргументация теряет всякий смысл.

Третье важное требование *правильного* понимания касается интерпретации смысла. При

этом, когда мы поднимаемся к смыслу и его интерпретации, то обнаруживаем истоки проблематики философской герменевтики. Более того, как отмечают современные исследователи, часто смысл является ключевым понятием не только, собственно, герменевтики, но и связан с различными современными теориями. Как пишет, в частности, И.Б. Микиртумов: «Смысл есть ментальная сущность, которая конструирует каждое конкретное отношение обозначения между выражением языка и внелингвистическим объектом, под которым понимается любая сущность, не являющаяся выражением интерпретируемого языка»¹⁰. Эти авторы подразумевают под «ментальными сущностями» внелингвистические, интенциональные объекты. При этом смыслы выражений и концепты их детонатов именуется в языке-объекте, тем самым, интенциональная логика становится средством формализации семантических выражений¹¹.

Современные философы рассматривают смысл как самостоятельную категорию и выясняют содержательные принципы, лежащие в основании «теории смысла»¹², при этом опираются как на историко-философский, так и на логико-методологический аппарат.

Возвращаясь к определению истоков зарождения методологии интерпретации, следует еще раз подчеркнуть, что сопоставляя задачи риторики и герменевтики (пока еще практики истолкования устного слова), нельзя не обратить внимания, что методологическая направленность сближает обе дисциплины. Их общая цель – это понимание.

Для философской герменевтики понимание предстаёт как проблема когнитивного характера, связанного с различными проявлениями интеллекта и мышления человека. Это становится важным аргументом, позволяющим характеризовать философскую герменевтику как фундаментальную по своей сути.

Греческие философы впервые обратили внимание на эпистемологический аспект интерпретации, конкретизируя эту проблему указанием на соотношение понимания и познания, отмечая

¹⁰ Микиртумов И.Б. Теория смысла и интенциональная логика. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 3.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² См., например: Смирнов А.В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

участие деятельности по интерпретации текстов в связи с задачей обучения и образования. Осуществление данной деятельности предполагает не только знание текстов данной культуры, но и умение понимать контекст изучаемого памятника¹³. Именно памятники древнегреческой литературы, наряду с традицией обучения философией в комплексе с другими практиками (гимнастика, музыка, математика) формировали такой стиль мышления, который, как уже отмечалось, позже получил название «европейский рационализм». Его основы составляли знания в области мифологии, истории, литературы, зачатки логического мышления и развитие способов философствования.

Первоначальными зафиксированными источниками для познания и понимания окружающего мира были мифы. На их основе осуществлялось реконструирование и понимание прошлых исторических событий, в особенности тех, следы которых были зафиксированы в памятниках древнегреческой мысли. Объектом интерпретации становилось и содержание мифов в целом. В то же время предметом интерпретации могли быть и конкретные имена, например, богов и связанные с ними скрытые, глубинные смыслы. Это подтверждает становление греческого пантеона богов, в частности, когда имена богов стали ассоциироваться с определенными абстракциями, общими идеями и понятиями о социальном устройстве.

В свою очередь, развитие и усложнение мифологии привело к появлению целой иерархии богов, при которой главные или олимпийские боги приобретали многозначность. Это происходит не только в силу того, что мифология является источником знаний, но наряду с этим, наблюдается совмещение мифологической онтологии с философским объяснением процессов, происходящих в мире, обществе, социуме. В целом можно констатировать период образования предфилософского знания. Так, Афина одновременно считалась и покровительницей города Афины и богиней мудрости, справедливой войны, а так же, знаний, наук, искусства и ремесел. Зевс выступал не только как главный бог Олимпа, но обладал многофункциональностью, множественностью толкования. Он рассматривался как громовержец, «Зевс-Победоносец» (Zeus Nikator), а также ассоциировался с мужским началом семьи – *Зевс Ограды* (Zeus Herkeios). С женской стороны эта

функция была отдана Гестии как хранительнице домашнего очага¹⁴.

Многофункциональность греческих богов и множественность их интерпретаций подтверждает и развитие самого предфилософского знания, философских концепций, в которых объединились мифологическое и философское понимание. Так, в традиции орфиков, как отмечает Е.Н. Шульга: «Зевс перестаёт быть только персонажем творения мира. Это уже не только бог (образно персонафицированный), но единый, поскольку бог один: один лишь Зевс, один Дионис, один бог во всем, ибо как назвать их по отдельности? – спрашивают орфики»¹⁵. Это явилось основанием для поиска перехода от мифологического объяснения – к философскому пониманию организации и устройства мира. Причем философия орфиков, о которых пишет Е.Н. Шульга, ещё во многом опирается на традиционную мифологию, хотя включает в свои объяснения первые отвлеченные философские понятия. «Так Зевс преобразился в иносказательное выражение самой жизни, стал символом единства жизненного процесса и его божественного начала»¹⁶.

Греческие боги, о которых повествуют памятники письменности и литературы, в частности, Гомер, связываются с постижением глубинного смысла и содержания текста. Поэтому интерпретация смысла отдельных художественных образов, событий и сюжета в целом осуществляется в зависимости от контекста и того смысла, который стремится постичь сам интерпретатор. Значение контекста часто оказывается определяющим, первостепенным для интерпретатора, в особенности это становится заметно, когда интерпретация смысла текста учитывает тот контекст, который вкладывает в него интерпретатор. Часто интерпретатор создает нужный контекст на основании исторической и культурной традиции, к которой он принадлежит. Например, Ф.Ф. Зелинский называет традиционную мифологию Древней Греции «древнегреческой религией» или «религией эллинизма», характеризуя эту эпоху не иначе, как «ветхий завет нашего христианства»¹⁷.

¹⁴ См.: Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск: Экономпресс, 2003. С. 81-82, 268.

¹⁵ Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. С. 74.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск: Экономпресс, 2003. С. 35-39.

Помимо богов, подвергались осмыслению также события, происходящие с героями эпоса и мифов. Так, при интерпретации поступков и подвигов героев объяснение их поведения связывают с происхождением. Более того, сам термин «герой» прямо указывает на происхождение, восходящее к кому-либо из богов. Так родословная Одиссея восходит к Сизифу и Гермесу, что, отчасти, предопределило его особую судьбу, его путешествия, в которых он проявил себя в качестве воина, пирата и, наконец, верного мужа и мудрого царя. При этом Одиссей, как отмечает, например, И.Т. Касавин, «становится мудрым еще до начала своих приключений, подлинное значение которых – продемонстрировать хитроумие своего героя. Ум и изобретательность царя Итаки, – пишет И.Т. Касавин, – почерпнуты им из сокровищницы родового генотипа, а судьба состоит в том, чтобы проявить эти изначально присвоенные качества, обрекающие Одиссея на рискованные путешествия и неожиданные приключения, на деле оказывающиеся разворачиванием роковой необходимости»¹⁸. Однако такая относительная предопределенность судьбы героя, тем не менее, не противоречит принципу активного творения своей судьбы, через собственный поиск личного пути для достижения цели. Такова в общих чертах интерпретация личности героя (Одиссея), контекст объяснения отдельных событий жизни которого мы встречаем у современных философов. В частности, И.Т. Касавин выделяет в качестве определяющего понятия для уточнения контекста судьбы «родовой генотип» и при этом связывает идею предопределения судьбы (восходящую к богам) и свободу, характерную для героя как человека. Таким образом, философский смысл интерпретации обогащается за счет взаимосвязи героического эпоса, мифологии и пантеона богов с их многофункциональностью и многозначным смыслом.

Как можно было заметить, большое значение в деле интерпретации текста и понимания его содержания имеет оценка значения каждого отдельного понятия. Современные авторы указывают на важность происхождения и определения слова для понимания конкретного текста и его смысла. В связи с этим, Д.О. Торшилов отмечает, что одним из приемов интерпретации являлась этимология, по-

нимавшаяся как объяснение и истолкование имен собственных через другие слова или целые выражения, возникающие в данном контексте, где интерпретация обусловлена мыслью толкователя¹⁹. В зависимости от известного смысла имени этимология слова может быть представлена следующими видами:

1. этимология понятного имени. Она вызвана убежденностью в философской значимости имени или привычкой к этимологизации как деятельности по приданию смысла, как правило, наиболее традиционного;
2. этимология непонятного имени, носитель которого обладает чертами, позволяющими истолковать его и без этимологизирования. Наиболее распространенный способ выяснения непонятного имени связан с желанием или необходимостью соотнести имя и образ с уже имеющейся системой знания;
3. этимология непонятного имени, о носителе которого мы ничего, кроме этого имени, не знаем. Эта деятельность по интерпретации вызвана неизвестностью, непонятностью самого имени и необходимостью вписать его в некоторую систему²⁰. В нашем случае, более уместно говорить о выяснении смысла «непонятного имени», опираясь на контекст интерпретации.

Таким образом, Д.О. Торшилов предлагает определенную систему, направленную на расшифровку смысла слов (имён). Указанный метод, как видно из данной классификации, может быть применен не только для уточнения и прояснения смысла слов или имён, но в какой-то мере способствует обогащению уже имеющегося знания.

Знание в эпоху античности еще не было оформлено в виде дисциплин с собственной конкретной предметной областью. Знание это может характеризоваться не только как некое *единое* знание о человеке и окружающем его мире, но квалифицироваться как преднаучное знание. Вместе с развитием и обогащением имеющихся знаний о мире, человека и особенностей его познания, развивалась и деятельность по интерпретации, которая получила собственное наименование – гер-

¹⁸ Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. М.-СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 87-88.

¹⁹ Торшилов Д.О. Этимология и аллегория в толковании мифа (у досократиков и ранних стоиков) // СОФИЯ: Альманах: Вып. 2: П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев: род, миф, история. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2007. С. 233-238.

²⁰ Там же. С. 236-237.

меневтика. Различные варианты представлений о мире и его устройстве, способы описания процесса познания человека были представлены в многочисленных философских школах. Многообразии и историческая смена философских школ и традиций во многом определили необходимость оценки их с точки зрения практики истолкования и понимания смысла их учений. Наряду с этим, актуальность приобретает построение (выявление) той методологии интерпретации, которая была адекватна рассматриваемой традиции философствования, характерной для конкретной философской школы.

Первые попытки систематического использования того или иного конкретного метода интерпретации мы встречаем у стоиков. Именно стоики впервые стали широко и систематически использовать отдельные принципы интерпретации. Наибольшее распространение у представителей этой школы получило аллегорическое объяснение. Суть этого метода состоит в том, что философы пытаются понять описываемые явления, передавая их смысл, преимущественно, в аллегорической форме.

Приверженность стоиков этому способу интерпретации во многом определена включением мифологического содержания в натурфилософские объяснения. Между тем значение аллегорического толкования можно рассматривать как вполне эффективный способ истолкования. Он позволяет с помощью систематического и рационального подхода к содержанию мифов раскрывать смыслы, скрывающиеся *«под словами»*. Так, Псевдо-Гераклит, как отмечает Р. Слесинский, «определил аллегорию как риторическое средство, путем которого возможно сказать об одном деле и в то же самое время намекнуть на что-то другое»²¹. Использование предлагаемого аллегорического метода интерпретации позволяет различать внутренний (скрытый) смысл и внешний (буквальный) смысл, или логос (слово). Кроме того, стоики первыми обратили внимание на необходимость выделять скрытый смысл слов. Пристальное внимание к смыслу и значению каждого слова (или философского понятия) делает актуальной задачу понимания. Задача понимания

внутреннего смысла слова состоит в том, чтобы выявить и выразить истинное значение каждого понятия, которое приобретает концептуальное значение – именно такой подход мы обнаруживаем у представителей этой школы.

Таким образом, хотя у стоиков мы не обнаруживаем достаточно полной системы методов истолкования, однако именно в недрах этой школы впервые формулируется и широко применяется аллегорический способ интерпретации. С этого момента данный способ истолкования рассматривается как один из неотъемлемых герменевтических методов, сохраняя своё эпистемологическое и даже эвристическое значение в деле интерпретации текстов с самым разным содержанием.

Одним из первых философов, уделивших специальное внимание проблеме понимания, интерпретации и их взаимосвязи, был Платон. В диалоге «Кратил», он затрагивает вопрос о взаимосвязи предмета, его имени и интерпретации. Наше понимание сущности предмета и его интерпретация в той форме, в какой она находит отражение в восприятии человека, определяет правильность наименования конкретного предмета. Благодаря этому каждый конкретный предмет (на который направлено наше понимание) фиксируется в языке, получая соответствующее имя. Как отмечает сам Платон: «пока имя выражает вложенный в него смысл, оно остается правильным для того, что оно выражает»²².

Итак, наименование вещи зависит от её специфической природы и оказывается опосредованным определенными правилами, что исключает произвол и субъективизм в присвоении имен (397а). Рассуждая в этом направлении, Платон ставит целый ряд последовательных вопросов, касающихся понимания сути процесса наименования как интеллектуального действия, связывая этот вопрос с пониманием природы вещей. «Следовательно, и давать имена, – говорит Платон устами Сократа, – тоже есть некое действие, коль скоро говорить было действием по отношению к вещам? ... <...> В таком случае и давать имена нужно так, как в соответствии с природой вещей следует их давать и получать, и с помощью того, как нам заблагорассудится, если,

²¹ Слесинский Р. Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. [WWW document]. (URL:http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf).

²² Платон. Кратил // Платон. Соч. в 4-х тт. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 439. Так же см.: С. 441-442 (395e-396c).

конечно, мы хотим, чтобы это согласовалось с нашим прежним рассуждением? И тогда у нас что-то получится и мы сумеем дать имя, в противном же случае – нет?» (387d).

Рассуждая дальше, Сократ (в изложении Платона) чётко различает имена как понятия (общие понятия, отвлеченные понятия) и имена собственные и говорит о том, что люди, получая конкретные имена, не ассоциируются с богами или героями, но получают их как «наименование», которые соотносятся с конкретными качествами. Более того, «многие имена даются как бы в пожелание: Евтихид – в пожелание счастья, Сосия – здоровья, Теофил – ради милости богов и так далее» (397b-e).

Интересно отметить, что Сократ придаёт значение не только отдельному слову, понятию, имени, но раскладывает имена на их составляющие, пытаясь, тем самым, показать суть вещей – выявить сущностную характеристику имени. Так, в имени Зевса философ усматривает целое выражение, расчлняя на части которое, он усматривает природу самого Зевса. «Одни его называют Дием (Δία), другие же Зеном (Ζήνα)». (396a). Здесь в корне имени Зевс подразумевается глагол ζῆν (жить). «А сложенные вместе, эти имена открывают нам природу этого бога, что, как мы говорили, и подобает всякому имени» (396). Тем самым имя Зевса в своём скрытом значении указывает на жизнь во всех её появлениях, подразумевает властителя и, одновременно, царя над всеми.

Таким образом, как можно заметить, Сократ разводит смыслы, различает прямой смысл и иносказательный. И хотя имя человека указывает на конкретное лицо, часто его имя ассоциируется с тем иносказательным смыслом, которое предписано данному значению, которое скрыто за этим именем собственным. Тем самым Сократ указывает не только на происхождение человеческих имён, но и различает их смыслы. Он рассматривает конкретные примеры восхождения значения имени (его смысла) к конкретному свойству, например, имя может иметь божественное происхождение или указывать на качества, которые намереваются передать конкретному человеку посредством его имени.

А.Ф. Лосев, анализируя этот текст Платона, приходит к выводу, что интерпретация, хотя, этот термин непосредственно и не употребляется Платоном, возникает в силу того, что репрезентации вещей оформляются в человеческом сознании в соответствующие типы или образцы, объективные и

независимые от места или времени появления²³. Так складывается язык понятий, часто ассоциируемый, но подчиняющийся объективным процессам интеллектуальной деятельности людей.

Интерпретация получает у Платона собственное наименование и рассматривается как *мудрость* (396d) или, более того, как *познание* (412a). Эти качества интеллекта проявляются при изучении вещей, их наименовании и последующем употреблении. Однако интерпретация зависит не только исключительно от наименования, но и от специфики самого рассматриваемого предмета и его функций. Поэтому различные интерпретации (в том числе, одного и того же объекта, вещи) могут иметь различную степень достоверности.

Аристотель вслед за Платоном продолжает изучать процесс познания, связанный со сферой языка. В своей работе «Об истолковании» (*Peri hermeneias*), посвященной логике и семантике, он продолжает исследование языка, рассматривает основные понятия грамматики (имя, глагол, речь) как смысловое звуко сочетание, простое и сложное предложение, утверждение и отрицание, формы противопоставления, понятие грамматического времени и составные части предложения. Систематизируя сведения и знания в этой области, Аристотель подходит к проблеме понимания, рассматриваемой теперь в систематическом виде, как он её представляет. Он опирается на собственные, вводимые обоснованные понятия и утверждения, прослеживая развёртывание простых предложений в их более сложные формы и применяя при этом чисто грамматические критерии рассмотрения предложения как составленного из конкретных частей.

Кроме того Аристотель также поднимает вопрос о значении отдельных имен и речи в целом и указывает на то, что они являются результатом социальной договоренности (между людьми). Эта социальная обусловленность «наименований» имеет отношение к попытке найти объективные критерии на основании которых, по мнению Аристотеля, становится возможным понимание, а значит, и взаимопонимание людей. Он пишет: «[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени»²⁴, также и «всякая речь что-то

²³ Лосев А.Ф. Комментарии к диалогу «Кратил» // Платон. Соч. в 4-х тт. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Издательство Олега Абышко», 2006. С. 612.

²⁴ Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 94.

обозначает, но не как естественное орудие, а <...> в силу соглашения»²⁵.

Заслуга Аристотеля в этом вопросе состоит в том, что он впервые вводит в предмет научного исследования структуру рассуждения, обозначая его основные понятия и указывая на конкретные приемы, что, в конечном итоге, можно рассматривать как методологическую основу герменевтики. Другими словами, основания понимания, сформулированные Аристотелем, мы можем характеризовать как пропедевтику герменевтики в целом и истолкования, в частности.

Особенность развития философской мысли в рассматриваемую эпоху состоит в том, что мы можем изучать тексты отдельных философов, сопоставляя их в связи с определением фундаментальных установок, которые можно рассматривать как основания для выделения конкретных философских школ. Интерпретация этих текстов, глубинное погружение в их контекст и выявление той специфики, на основании которой мы отличаем одну философскую школу от другой, и является тем важным подходом, который мы называем «герменевтическим подходом».

Герменевтический подход к анализу философского наследия данной эпохи показывает, что каждой школе соответствует внутренняя фундаментальная установка. Основным конфликтом, который можно выделить в качестве определяющего специфику той или иной философской школы, состоит в попытке совместить условности повседневной жизни и высокие интеллектуальные устремления мыслителей к познанию сущности вещей, их универсальной природы. Современные трактовки, характеризующие особенности философских школ, интересны нам, поскольку в них мы обнаруживаем те идеи, которые оказываются определяющими в оценке школы. Вопрос о систематической связности этих школ всё ещё остаётся открытым. Это объясняется тем обстоятельством, что сами философы причисляли себя к определенной философской традиции. «Философствовать в эту эпоху означало выбрать школу, обратить себя в её образ жизни и принять её догматы»²⁶. Вот почему задача герменевтического анализа относительно построения системы

правил интерпретации, характерных для философских школ, продолжает оставаться актуальной. Более того, и методы истолкования оставались специфическими для каждой конкретной школы.

Итак, в статье были рассмотрены исторические условия и обозначены методологические предпосылки формирования методологии интерпретации. Было показано, что «точки роста» техники интерпретации связаны с развитием дисциплин гуманитарного цикла, которые так или иначе связаны с задачей *правильного* понимания и интерпретации. Выделены такие сферы конкретной деятельности, как риторика, аргументация, и показана роль практической задачи интерпретации, связанной с переводческой деятельностью, что, в конечном итоге, обусловило появление филологии как специальной дисциплины. При этом важное значение в обосновании предпосылок будущей теории интерпретации имеет философский аспект исследования проблемы интерпретации, связанный с проблемой понимания как фундаментальной философской проблемы.

В рассмотренный нами исторический период развития философии проблема интерпретации, хотя и учитывалась мыслителями античности, но еще не оформилась в виде единой, законченной системы знания об условиях интерпретации и её методах. Это был период, когда проблема интерпретации присутствовала в скрытом или не оформленном виде. Интерпретация представляла собой только совокупность отдельных приёмов (техник), способов истолкования, направленных на расширение понимания. Постепенно, вместе с потребностями распространения языка и, в особенности, с объективными процессами коммуникативного свойства людей разных культур, формировались новые приёмы истолкования. Последующее развитие техники интерпретации послужило толчком к формированию герменевтики как науки о понимании и интерпретации. Её методологические основы складывались первоначально из необходимого для понимания набора определенных правил и методик, цель использования которых – обнаружение и понимание скрытых смыслов исследуемых предметов (имён, текстов, событий).

²⁵ Там же. С. 95.

²⁶ Адо Пьер. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. С. 249.

Список литературы:

1. Адо Пьер. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. 448 с.
2. Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 91-117.
3. Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск: Экономпресс, 2003. 330 с.
4. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. М., СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 320 с.
5. Кошкина Е.Г. Эволюция, или «дрейф» языка, основные тенденции его развития (на примере лексико-семантической системы) // Современный немецкий язык: состояние и развитие / Отв. ред. Л. Нефедова. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 18-33.
6. Кузнецов В.Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методике до философского направления // Логос. 1999. № 10(20). С. 43-88.
7. Лосев А.Ф. Комментарии к диалогу «Кратил» // Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Издательство Олега Абышко», 2006. С. 602-622.
8. Микиртумов И.Б. Теория смысла и интенциональная логика. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 351 с.
9. Пилюгина М.А. Риторика и теория аргументации // Модели рассуждений – 5: Аргументация, коммуникация, общество. Калининград, 2012. С. 176-187.
10. Платон. Кратил // Платон. Сочинения в 4-х тт. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 421-502.
11. Слесинский Р. Поиски в понимании. Введение в философскую герменевтику. [WWW document]. (URL: http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf).
12. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
13. Торшилов Д.О. Этимология и аллегория в толковании мифа (у досократиков и ранних стоиков) // СОФИЯ: Альманах: Вып. 2: П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев: род, миф, история. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2007. С. 233-238.
14. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФ РАН, 2002. 235 с.
15. Шульга Е.Н. Логическая герменевтика о противоречивости философских систем // Мысли и искусство аргументации. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 191-211.

References (transliteration):

1. Ado P'er. Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya. M., SPb.: Stepnoi veter; ID «Kolo», 2005. 448 s.
2. Aristotel'. Ob istolkovanii // Aristotel'. Sochineniya v 4-kh tt. T. 2. M.: Mysl', 1978. S. 91-117.
3. Zelinskii F.F. Ellinskaya religiya. Minsk: Ekonompress, 2003. 330 s.
4. Kasavin I.T. Traditsii i interpretatsii: Fragmenty istoricheskoi epistemologii. M., SPb., Izd-vo RKhGI, 2000. 320 s.
5. Koshkina E.G. Evolyutsiya, ili «dreif» yazyka, osnovnye tendentsii ego razvitiya (na primere leksiko-semanticheskoi sistemy) // Sovremennyy nemetskii yazyk: sostoyanie i razvitie / Otv. red. L. Nefedova. Vyp. 2. M.: MAKS Press, 2010. S. 18-33.
6. Kuznetsov V.G. Germenevtika i ee put' ot konkretnoi metodiki do filosofskogo napravleniya // Logos. 1999. № 10(20). S. 43-88.
7. Losev A.F. Kommentarii k dialogu «Kratil» // Platon. Sochineniya v 4-kh tt. T. 1. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2006. S. 602-622.
8. Mikirtumov I.B. Teoriya smysla i intensional'naya logika. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. 351 s.
9. Pilyugina M.A. Ritorika i teoriya argumentatsii // Modeli rassuzhdenii – 5: Argumentatsiya, kommunikatsiya, obshchestvo. Kaliningrad, 2012. S. 176-187.
10. Platon. Kratil // Platon. Sochineniya v 4-kh tt. T. 1. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; «Izd-vo Olega Abyshko», 2006. S. 421-502.
11. Slesinskii R. Poiski v ponimanii. Vvedenie v filosofskuyu germenevtiku. [WWW document]. (URL: http://www.bim-bad.ru/docs/slesinsky_poiski_v_ponimanii.pdf).
12. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 744 s.
13. Torshilov D.O. Etimologiya i allegoriya v tolkovanii mifa (u dosokratikov i rannikh stoikov) // SOFIYA: Al'manakh: Vyp. 2: P.A. Florenskii i A.F. Losev: rod, mif, istoriya. Ufa: Zdravookhranenie Bashkortostana, 2007. S. 233-238.
14. Shul'ga E.N. Kognitivnaya germenevtika. M.: IF RAN, 2002. 235 s.
15. Shul'ga E.N. Logicheskaya germenevtika o protivorechivosti filosofskikh sistem // Mysli i iskusstvo argumentatsii. M.: Progress-Traditsiya, 2003. S. 191-211.